

Эту грусть, пришедшую из прежде,
Как наследство мы должны хранить,
Потому что места нет надежде,
Так как жребий нам не изменить.

Вадим Шершеневич

ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКЛАКОВ

За свою не такую уже короткую законотворческую деятельность мне довелось работать с первой (пятой), второй (шестой) Государственной Думой в качестве представителя исполнительной власти. А затем уже в качестве депутата и председателя комитета в третьей (седьмой), четвертой (восьмой), пятой (девятой), шестой (десятой) Государственной Думе. На себе испытал, насколько разными были составы, программные установки, подходы к законотворческой деятельности, да и сама атмосфера этих шести созывов.

Может быть, поэтому у меня появился интерес к истории четырех созывов Государственной Думы 1906–1917 гг., которые также заметно отличались по своему политическому и профессиональному составу. Конечно, прежде всего мне была интересна деятельность депутатов-юристов.

Императорским Манифестом от 6 августа 1905 г. была учреждена Государственная дума, которая согласно Манифесту от 17 октября 1905 г. стала органом законодательным. Выборы в I Государственную думу проходили с 26 марта по 20 апреля 1906 г. в соответствии с избирательным законом от 11 декабря 1905 г. Они были непрямыми, выборщики избирались отдельно по четырем куриям — землевладельческой, городской, крестьянской и рабочей. Причем для первых двух курий выборы были двухступенчатыми, для рабочей — трехступенчатой, а для крестьянской — четырехступенчатыми. По рабочей курии к выборам допускались лишь мужчины, занятые на предприятиях, имевших не менее 50 рабочих.

Это и другие ограничения лишили избирательного права около 2 млн мужчин-рабочих. Выборы были не всеобщие (исключались женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие действительной службы, ряд национальных меньшинств), не равные (один выборщик на 2 тыс. населения в землевладельческой курии, на 4 тыс. — в городской, на 30 тыс. — в крестьянской, на 90 тыс. — в рабочей).

I Дума, в которой доминировали кадеты, проработала 72 дня, II Дума, в которой численный перевес имели социал-демократы, эсеры и трудовики, — одну сессию, с 20 февраля по 2 июня 1907 г., т.е. всего 103 дня.

Только Дума третьего и четвертого созывов, по составу весьма реакционных, отработала свой срок. Она избиралась по новому закону («Положение о выборах в Государственную Думу») от 3 июня 1907 г. Закон радикально перераспределил число выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии (они получили $\frac{2}{3}$ общего числа выборщиков, рабочим же и крестьянам было оставлено около $\frac{1}{4}$ выборщиков). Право рабочих и крестьянских выборщиков самим избирать положенное им число депутатов из своей среды передавалось губернскому избирательному собранию в целом, где в большинстве случаев преобладали помещики и буржуазия. Городская курия разделялась на две: 1-ю составляла крупная буржуазия, 2-ю — мелкая буржуазия и городская интеллигенция. Представительство народов национальных окраин резко сокращалось, народы Средней Азии, Якутии и некоторых других национальных районов полностью отстранялись от выборов. Выборы в III Думу проходили осенью 1907 г., а в IV — в ноябре 1912 г.

Состав Думы менялся каждый раз кардинально. Внешняя по отношению к Государственной думе обстановка менялась со скоростью звука в прямом и переносном смысле. При этом были депутаты, работавшие в одной Государственной думе не одного созыва, прежде всего благодаря своим профессиональным качествам, к которым в первую очередь относятся ораторское искусство и понимание, как тогда говорили, законоведения.

Именно таким был Василий Алексеевич Маклаков, депутат II, III и IV Думы. Он заметно выделяется в плеяде юристов, руководствовавшихся в своей практической деятельности идеей создания правового государства в Российской империи накануне революции 1917 г. В.А. Маклаков прожил значительно дольше таких заметных «юристов-революционеров», как С.А. Муромцев, В.Д. Набоков и Г.Ф. Шершеневич. В течение 40 лет с момента катастрофы, постигшей Россию

в 1917 г., он мучительно размышлял о ее причинах, пытался понять, в чем же заключались непоправимые ошибки, допущенные юристами и политиками в бурные годы начала XX в.

Родился Василий Алексеевич Маклаков 10 мая 1869 г. в Москве, в семье потомственного дворянина Московской губернии, преуспевающего врача-окулиста, впоследствии профессора медицинского факультета и главного врача глазной клиники Московского университета Алексея Николаевича Маклакова (1838–1905). Его мать Елизавета Васильевна (умерла в 1881 г.), в девичестве Череева, также происходила из дворян. Всего в их семье было пятеро детей.

В.А. Маклаков рано потерял мать и с шестнадцатилетнего возраста воспитывался мачехой Лидией Филипповной, известной писательницей, выпускавшей свои произведения под псевдонимом Л. Нелидова. Василий учился в 5-й Московской гимназии, которую окончил в 1887 г. с серебряной медалью. В том же году он поступил в Московский университет на физико-математический факультет, откуда в 1890 г. был отчислен за политическую неблагонадежность.

Впоследствии Маклаков решил заняться гуманитарными науками, был восстановлен в Университете на историко-филологическом факультете. По окончании в 1894 г. Университета ему было предложено остаться при кафедре истории для подготовки к профессорскому званию, но этому воспротивился Н.П. Боголепов – бывший ректор Университета (1891–1893), с 1895 г. попечитель Московского учебного округа. Через некоторое время Маклаков самостоятельно освоил курс юридического факультета и в 1896 г. сдал экстерном государственный экзамен, получив диплом и степень кандидата права (не путать с современным кандидатом юридических наук).

Сначала В.А. Маклаков, как в то время было положено, в течение пяти лет служил помощником присяжного поверенного и на этом посту работал со знаменитыми адвокатами, сначала с А.Р. Ледницким, а затем с Ф.Н. Плевако. Удачные выступления на нескольких процессах быстро принесли Маклакову известность и самостоятельную практику. Он становится одним из самых популярных адвокатов в Москве, а затем и в России.

В.А. Маклаков состоял в московском кружке молодых адвокатов, который организовывал бесплатные юридические консультации для неимущего населения и бесплатные защиты на политических про-

цессах. К примеру, Маклаков защищал обвиняемых по делам о забастовке на фабрике «Гусь» (дело было прекращено, а обвиняемые освобождены), о беспорядках на фабрике Викулы Морозова в Москве (обвинение было перекалфицировано на более мягкое). В 1904 г. Маклаков представлял интересы дворянского политического деятеля умеренно-либерального направления М.А. Стаховича, обвинившего в клевете редактора официозного журнала «Гражданин» князя В.П. Мещерского.

Среди других адвокатов В.А. Маклаков особенно выделялся тем, что никогда не отступал от сугубо правовых подходов в угоду «политической целесообразности» или меркантильным интересам, а также не строил защиту своих клиентов на «сваливании вины» на других подсудимых. «У защитника, если он и не хотел превращать суд в политический митинг, всегда оставались ресурсы. Не говорю уже о том, что он должен был защищать процессуальные права подзащитного, на самом суде, которых он сам мог часто не знать и которые без вмешательства защитника могли нарушаться. Хотя прокурор на суде и считается не только стороной, то есть обвинителем, но и защитником законности, даже в интересах самого подсудимого, рассчитывать на его объективность было рискованно. Кроме того, у защитника всегда оставалась свобода опровергать улики, то есть отрицать самый факт преступления. В этом добросовестный судья ему не может мешать, а иногда в этом вся суть»¹, — писал Маклаков в своих воспоминаниях.

Наиболее громкие процессы, в которых ему пришлось выступать, — дело о Выборгском воззвании (1907) и «дело Бейлиса» (1913).

В.А. Малаков, будучи членом ЦК партии кадетов, резко выступал против подписания Выборгского воззвания от 9 (22 июля) 1906 г. Однако, когда дело дошло до суда над всеми подписантами, партия, в том числе и сами подсудимые, настояла на его участии в процессе в качестве адвоката.

В своей речи на суде В.А. Маклаков блестяще продемонстрировал строго юридический подход к делу: «Для того, чтобы защищать этих людей, не нужно сочувствовать им; к воззванию можно относиться отрицательно, считать его не только ошибкой, но преступлением; но когда к нему подходят с таким обвинением, которое предъявил прокурор, самый строгий критик воззвания должен сказать прокурору: на

¹ С. 217–218 наст. изд.

этот путь беззакония мы с вами не станем»¹. И далее: «Та постановка обвинения, которую дал прокурор, не есть торжество правосудия; я скажу про нее, что она общественное бедствие»². Речь имела большой успех не только среди публики и подсудимых, но даже и у членов судебной палаты. Ее старший председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Н.С. Крашенинников впоследствии говорил, что эта речь его потрясла³. Однако окончательное решение было все-таки обвинительным, и участников Воззвания приговорили к трем месяцам тюрьмы.

Подлинная, можно сказать, всемирная слава пришла к Маклакову после, наверное, самого громкого процесса начала XX в. в России — «дела Бейлиса» в Киевском окружном суде. Обвинение еврея Менахе-ма Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского было инициировано активистами черносотенных организаций и поддержано целым рядом крайне правых политиков и чиновников, включая министра юстиции И.Г. Щегловитова. Процесс, состоявшийся в Киеве 23 сентября — 28 октября 1913 г., сопровождался активной антисемитской кампанией, но одновременно вызвал широкий общественный протест не только в России, но и во всем мире. Это был в полном смысле бой глубоко закоренелых реакционных сил Империи против всего прогрессивного, что было в России.

Именно речь В.А. Маклакова склонила весьма тенденциозно подобранное жюри присяжных к вынесению оправдательного приговора. Она была издана отдельной брошюрой⁴. Сам же Маклаков относился к этой своей мировой славе весьма сдержанно: «Интерес этого процесса был только в том, почему и как судебное ведомство защищало настоящих убийц, которых все знали, и стремилось к осуждению невинного Бейлиса? Это была картина падения судебных нравов, как последствие подчинения суда политике. В деле Бейлиса оно дошло до превращения суда в орудие партийного антисемитизма. Ради этого прокурор отстаи-

¹ С. 214 наст. изд.

² С. 219 наст. изд.

³ См. с. 213 наст. изд.

⁴ *Маклаков В.А. Убийство А. Ющинского: Речь в Киевском окружном суде 25 октября 1913 г. (по стеногр. отчету)*. СПб.: Тип. И.И. Зубкова, 1914.

вал заведомо виновных и потворствовал маневрам воровской шайки Чебирыковой — и все это с ведома и одобрения министра юстиции. Только эта сторона процесса и была интересна»¹.

Свой взгляд на «дело Бейлиса» Маклаков высказал в статьях, опубликованных в «Русских ведомостях» и в «Русской мысли». В них он указывал на то, что приговор присяжных спас доброе имя суда. Обе статьи пришлось не по вкусу Министерству юстиции, и Маклаков вместе с редакторами этих журналов был предан суду за «распространение в печати заведомо ложных и позорящих сведений о действиях правительственных лиц»². Однако судебное сообщество благополучно «замотало» это дело вплоть до 1917 г., когда оно потеряло свою актуальность и было закрыто.

Кроме занятия адвокатской деятельностью, В.А. Маклаков играл заметную роль в общественно-политической жизни страны. В 1904 г. он стал секретарем кружка либеральных земцев «Беседа», затем — одним из основателей партии кадетов (1905 г.), членом ЦК, лидером правого крыла партии. По списку партии кадетов Маклаков избирался депутатом II, III и IV Государственной думы. Речи Маклакова в Думе о военно-полевых судах, по делу Азефа и другие принесли ему славу одного из лучших русских ораторов. «В огромном зале Таврического дворца он говорил громче, но и там никогда не кричал — великая ему за это благодарность! Когда человек, дойдя до очередного Александра Македонского, вдруг с трибуны начинает без причины орать диким голосом, это бывает невыносимо... И еще спасибо Василию Алексеичу за то, что в его речах почти нет «образов». Образы адвокатов и политических деятелей — вещь нелегкая. ...Римляне находили, что о малых вещах надо говорить просто и интересно, а о великих — просто и благородно. Именно так говорил Маклаков»³.

В.А. Маклаков председательствовал в комиссии по Наказу (регламенту) Государственной думы во II и III Думе. Надеясь предотвратить роспуск II Думы, он вместе с П.Б. Струве и С.Н. Булгаковым встретился с П.А. Столыпиным.

¹ С. 203 наст. изд.

² Там же.

³ *Адамович Г.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959. С. 4—5.

Роспуск II Думы 3 июня 1907 г. В.А. Маклаков считал «переворотом» и «проклятой датой». Он осуждал этот акт не только как незаконный, но и как политически вредный. По его мнению, роспуск II Думы завершил период «первой революции». Созыв III Думы стал началом эпохи «конституционной монархии». «Левая общественность глумилась над третьеиюньской Думой, над ее «угодливостью» и «раболопством». Поводов для законного негодования эта Дума давала не раз. Но любопытно, что одновременно с нею начался подъем России во всех отношениях. «Конституционный строй» показал этим свою пригодность для России, несмотря на ее политическую неопытность и на приstekшую из нее массу ошибок»¹.

В III и IV Думе влияние кадетов практически сошло на нет. В.А. Маклаков оценивал этот факт следующим образом: «Партия, которая могла быть опаснейшим врагом реакции и революции, только им и оказалась полезна: тому, в чем было ее предназначение, т.е. мирному превращению самодержавия в конституционную монархию, она в решительный момент помешала. Исторического призвания своего исполнить не сумела»².

В годы Первой мировой войны В.А. Маклаков, как и большинство членов Думы, занимал патриотические позиции. Однако бездарная политика правительства и неудачный ход военной кампании его разочаровали. Отсюда ряд его резких выступлений в Думе и в печати. Большой общественный резонанс вызвала статья Маклакова «Трагическое положение»³. В аллегорической форме он изобразил Россию в виде автомобиля, который несется по горной дороге, управляемый «безумным» шофером (Николай II), и ставит «пассажиров» (оппозицию) перед сложным вопросом: возможно ли перехватить руль и не свалиться при этом в пропасть?

Видимо, это разочарование и предчувствие близкой катастрофы привели его в число участников покушения на Распутина, которого многие считали злым гением царской семьи. История этого покушения до

¹ *Маклаков В.* Вторая Государственная дума: Воспоминания современника, 20 февраля – 2 июня 1907 г. М.: Центрполиграф, 2006. С. 5.

² *Маклаков В.* Первая Государственная дума: Воспоминания современника, 27 апреля – 8 июля 1906 г. М.: Центрполиграф, 2006. С. 19.

³ Русские ведомости. 1915. 27 сентября.

сих пор вызывает ожесточенные споры исследователей¹. Единой точки зрения на это событие нет, подлинность некоторых документов вызывает сомнение. Очевидно только то, что Маклаков был хорошо знаком с организатором этого покушения князем Феликсом Юсуповым. Якобы он передал ему яд, которым пытались отравить Распутина, и дубинку, которой Юсупов добивал полумертвую жертву. По одной из версий, позже Маклаков утверждал, что под видом цианистого калия на самом деле дал простой порошок аспирина. Однако не исключено, что некоторые из подобных версий несостоятельны и связаны с тем, что сама императрица считала, что убийство Распутина было организовано масонами. А Василий Алексеевич был масоном, причем весьма высоко стоявшим в их иерархии, и состоял в организации масонов до конца своей жизни.

После Февральской революции В.А. Маклаков был назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерство юстиции. В этой должности Маклаков добился следующего распоряжения: немедленно разрешить свободный проезд членов социал-демократической фракции IV Государственной думы в Петроград; зачислить всех желающих евреев-юристов в сословие присяжной адвокатуры; освободить всех политических заключенных, которые были арестованы в порядке предварительного следствия. Всем прокурорам судебных палат были направлены распоряжения о недопущении возбуждения новых политических дел.

Маклаков участвовал в составлении Манифеста великого князя Михаила Александровича об отказе от престола. Был командирован в Царско-сельский гарнизон для решения вопроса об удалении нежелательных для солдат офицеров. Участвовал в Особом совещании по выработке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. На 8-м съезде партии конституционных демократов Маклаков был вновь избран в состав ЦК. Участвовал в Государственном совещании в Москве. Был избран членом Временного совета Российской республики (Предпарламента)².

¹ См., например: *Юсупов Ф.* Конец Распутина. Париж, 1927; sergey-v-fomin.livejournal.com; Кознаков С.Н. Убийство Григория Распутина // РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 180. Л. 10–11 об. Автограф; Записано сестрами А., подругами Марианны Дерфельден, ныне гр. Зарнекау, играющей в декабре 1920 г. в Малом театре Нериссу в Шейлоке, под именем «Павловой» // РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–9 об. Автограф.

² См.: Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 342.

В июле 1917 г. В.А. Маклаков был назначен послом России во Францию и прибыл в Париж на другой день после Октябрьского переворота в Петрограде. Октябрьский переворот он, конечно, не принял и до конца своей жизни активно участвовал в деятельности различных эмигрантских организаций.

В конце 1919 г. В.А. Маклаков вошел в состав Русского политического совещания в Париже, был товарищем (заместителем) председателя Совещания послов. В сентябре 1920 г. Маклаков посетил Крым, где встречался с генералом П.Н. Врангелем. Вместе с П.Б. Струве он сумел добиться официального признания Францией правительства Врангеля. После признания Францией СССР (1924) Маклаков возглавил Русский эмигрантский комитет, исполнявший обязанности консульства по делам российских беженцев, разрабатывал правовые нормы существования российской эмиграции. Он участвовал в работе женевского Международного комитета частных организаций для выработки общего беженского статуса при Лиге Наций¹. В этой должности своего рода омбудсмена российских эмигрантов Василий Алексеевич пробыл до конца своей жизни.

Однако В.А. Маклаков занимался не только политикой. В качестве председателя Комитета по устройству Дня русской культуры, который с 1926 г. ежегодно проводился в течение ряда лет во Франции, он выступал с речами о А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, других выдающихся деятелях русской культуры.

С Львом Николаевичем Толстым Маклаков был хорошо знаком и не раз по его просьбе выступал в суде. В своих речах «Толстой и большевизм» (Прага, 1921)² «Лев Толстой (учение и жизнь)» (Париж, 1928) и «Толстой — как мировое явление» (Париж, 1928)³ он подробно рассматривает учение Толстого, а также исследует связь этого учения с большевизмом.

До конца жизни Маклаков состоял членом Русского комитета содействия Архиву русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (США).

Во время Второй мировой войны Василий Алексеевич занимал активную антигитлеровскую позицию, в отличие, например, от одного из вождей русской эмиграции во Франции того времени Жеребко-

¹ См.: Государственная дума Российской империи, 1906—1917: Энциклопедия. С. 343.

² *Маклаков В.А.* Толстой и большевизм. Париж: Русская земля, 1921.

³ *Маклаков В.А.* О Льве Толстом: Две речи. Париж: Современные записки, 1929.